

«Анима» значит «душа»

Пожалуй, нет такого дома, в котором не было бы книг с иллюстрациями известного художника-анималиста Татьяны Порфирьевны Капустиной. И едва ли найдутся родители, которые бы не читали своим детям рассказы Бианки или Мамина-Сибиряка с ее рисунками. Работы художницы хранятся в Русском музее и Дрезденской галерее. А общий тираж проиллюстрированных ею книг превышает 20 миллионов экземпляров.

Первый художественный опыт Татьяна Капустина приобрела еще в школе. Взяла немного воска и картона, поколдовала над ними несколько вечеров и смастерила стойбище оленеводов. Решив показать поделку ребятам, принесла ее в класс. Но случилось так, что первой это творение увидела учительница. Недолго думая, она сгрэбла поделку в охапку и, строго отчитав школьницу, велела привести родителей. Слава богу, что те, хоть и были людьми простыми (папа – железнодорожник, мама – швея), оказались мудрее образованного педагога и отдали свою дочку в студию скульптуры при Ленинградском дворце пионеров.

Способная девочка сразу обратила на себя внимание. И очень скоро руководитель студии Валентина Китайгородская, взяв ее за руку, привела в художественную школу при Академии художеств. Новое место так понравилось Тане, что школу она закончила с серебряной медалью и подала документы в вуз. Из 25 возможных баллов Таня набрала 24. И стала первой из 13 человек, принятых на факультет графики. И снова ей повезло. У профессора Таранова она училась композиции, у Овсянникова – рисунку и живописи, у Ветрогонского – литографии. А начало ее творческого пути счастливо совпало с периодом обновления в жизни и искусстве, знаковыми шестидесятыми, когда можно было совершать долгие путешествия по стране и привозить оттуда толстые папки рисунков – бесценный багаж для будущего творчества.

Вокруг света

Первой ее книжной работой стал «Белолобый» Чехова. И это не было случайностью. В детстве на школьной даче в Юкках Таня не раз водила лошадей в ночное. А позже на Северном Кавказе рисовала терских и арабских скакунов, в Бухарском заповеднике – куланов, а в Аскании-Нова – лошадей Пржевальского.

«Кого ты любишь больше всех на свете?» – спросила однажды одноклассница у Тани Капустиной. «Собак и лошадей», – чистосердечно призналась та. «А я – маму и папу», – пристыдила ее подруга. С тех пор прошло более полувека. Но каждый раз, вспоминая этот случай, Татьяне Капустиной становится немного неловко. Хотя чего здесь стесняться? Ведь похожая история была и у Джеральда Даррелла, ученого и писателя-анималиста, мать которого утверждала, что его первым словом было не мама, а зоопарк. Да и само слово «анима» в переводе с латинского означает «душа».

Татьяна Порфирьевна побывала на далеких Командорах, где наблюдала за лежащими на камнях котиками, которые обмахивались лапами, как веерами. Рисовала вулканы Камчатки, которые пыхали сажей и прямо на ее глазах превращались из белых в серо-синие. Вместе с экспедицией зоологов поднималась на Памир, чтобы запечатлеть редкую сцену дойки яков, горы, уютную тесноту войлочной юрты. Кочевала по тундре Таймыра, рисуя стада оленей, нарты, карликовые деревья, крупные, но не пахнущие цветы короткого северного лета. Побывала даже в Антарктиде, где создала более трехсот работ. Ей удалось запечатлеть труд геологов, ученых, звероводов, охотников, но ее главной темой были животные. Их изображение требовало особых навыков. Терпения, необходимого для наблюдения за ними. Мгновенной реакции, нужной для того, чтобы сделать быстрый набросок, и хорошей памяти, чтобы потом, по прошествии времени, воспроизвести увиденное. Постепенно накапливался опыт, и вместе с ним вырабатывался ее собственный рисовальный почерк, отличающийся удивительным обаянием, искренностью и человеческой добротой.

Булька и Белка

С особой теплотой Татьяна Капустина относится к собакам, которые живут в ее доме с юности. Они – и объект изучения, и главный предмет любви. Достаточно взглянуть на ее акварели к книге Толстого «Булька», считающиеся сегодня классикой. История молодого бульдога получила в ее рисунках такое впечатляющее отображение, что сомневаться не приходится: автор хорошо знает и любит собак. Не случайно критики в один голос говорят, что художнице удалось создать настоящий портрет Бульки, удивительную мордашку которого сам Толстой называл не иначе как «лицо».

Своих прежних и нынешних питомиц – русско-европейских лаек Татьяна Порфирьевна просто обожает. И может рассказывать об их уме и способностях без усталости. Однажды, вспоминает она, ее любимица Белка вдруг стала лаять на детей. «В чем дело?» – задумалась хозяйка, пока не сообразила, что собака мечтает о детях. «Будут тебе сыночки», – пообещала Капустина. После чего лайка принесла два помета будущих чемпионов страны по охоте на медведя и кабана. Ну а живущая сегодня в ее квартире Охта сумела поразить всех деревенских соседей, один из которых решил креститься. «Когда все было готово, священник произнес: «Некрещеные, отойдите». Отошли два мужика и собака», – рассказывает художница, кстати, эксперт-судья по работе с лайками.

«Сейчас на соревнования все ездят на машинах, а я – на поезде. Но это меня не беспокоит, дипломов-то мы все равно получим больше», – лукаво улыбается она.

Мои книги

Сегодня Татьяна Капустина – признанный художник-анималист, оформитель детских книг, мастер книжной и станковой графики. Но в какой бы технике она ни работала – акварель, пастель, литография, ее рисунки всегда точно следуют за изложенным материалом и не просто «украшают» его, но, соединяя в единое целое текст и иллюстрации, дополняют и обогащают книгу. Сама она объясняет это удивительно просто. «Мне всегда предлагали оформлять именно мои книжки», – говорит она.

Она создавала рисунки к рассказам Толстого, Бианки, Житкова, Пановой, Сахарнова, Соколова-Микитова, Паустовского и других классиков русской литературы. С некоторыми из них была знакома лично. Художница частенько вспоминает, как любил ее поддразнивать, намекая на имеющееся ружье и собаку, Николай Сладков. «Оставалось одно: показывать на его охотничьи трофеи, развешанные по стенам кабинета: сам, мол, сколько охотился, а теперь вдруг решил меня воспитывать», – вспоминает Капустина. «Издержки молодости», – хмурился в ответ писатель, но сотрудничество с художницей не прерывал. С семьей Бианки Татьяна Порфирьевна дружит до сих пор, а после того как ее племянница вышла замуж за внука Чарушина, она породнилась с семьей этого классика-анималиста. И сегодня есть надежда, что их 16-летняя дочь продолжит семейную традицию и тоже станет художницей.

Зверье мое

Когда рассматриваешь произведения Капустиной, поражаешься особой пристальности ее взгляда и чистоте видения. Кажется, будто животный мир

открывается перед нами впервые. Мы видим, как, потягиваясь ото сна, выходят из чащи мокрые от росы зайцы. Как широко раскрыты просящие клювы птенцов и поблескивает в темноте взгляд вороненка.

В основе рисунков Капустиной всегда лежат глубокие жизненные наблюдения. Например, в работе над «Серой Шейкой» Мамина-Сибиряка ей «позировал» лисенок по кличке Морс, принесенный охотниками и выкормленный молоком ее лайки Вешки. У него, как у изображенной в книге лисицы, были ярко-зеленые глаза, огненно-рыжая шерсть и белый кончик пушистого хвоста. Он был совсем ручной и прыгал на плечи маленькой племянницы художницы, которая носила его на плечах, как живой воротник. А в замерзающей воде пруда с плавающей серой уткой, снегирями на покрытых инеем ветках узнаются окрестности поселка Вырицы, где жила художница. Иллюстрации к «Серой Шейке» были удостоены международной премии.

Работы Татьяны Капустиной хранятся во многих музеях и частных коллекциях. Альберт Чаркин называл ее мастером живых и острых портретов, отмеченных ярким и вместе с тем тонким колоритом.

Марина Алексеева